

ДЕВУШКА- РЯБИНА

*Любовь, которая похожа
на солнечный удар.*



ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

— Дочери Евы —

Дочери Евы

Татьяна Тренина
Девушка-рябина

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трoнина Т. М.

Девушка-рябина / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2015 — (Дочери Евы)

Разве можно ожидать хоть чего-то хорошего от командировки в маленький провинциальный городок, где всего-то и есть что градообразующее предприятие и одна захолустная гостиница?.. Но именно здесь Лев встретил свою судьбу. Судьба явилась ему в виде рыжей горничной, девушки, похожей на рябину, чью сладость дано познать не каждому.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трoнина Т. М., 2015
© Эксмо, 2015

Татьяна Тренина

Девушка-рябина

© Тренина Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В расписании конференции, как оказалось, произошли изменения. Доклад, который был поставлен первым на это утро, перенесли на завтра. А второй доклад начинался сегодня в половине двенадцатого... Словом, у Льва неожиданно появились полтора часа свободного времени.

И он решил вернуться в номер, чтобы еще раз просмотреть основные аспекты своего выступления, запланированного на сегодняшний вечер.

По лестнице поднялся на свой этаж и тут обнаружил, что в номере полным ходом идет уборка – дверь распахнута, где-то в глубине гудит пылесос, а рядом, в коридоре, стоит специальная тележка с ведром, моющими средствами и черным пластиковым мешком для сбора мусора.

«И что теперь? – недовольно подумал Лев. – А, ладно, какая разница...»

Он шагнул в номер. Балконная дверь была распахнута и раскачивалась из стороны в сторону, утренний свет дробился о стекло, а по стенам весело летали солнечные зайчики.

Горничная пылесосила пол на балконе, задевая дверь шлангом.

Лев достал свой ноутбук из сумки, сел в кресло, но не успел даже раскрыть компьютер – как горничная вернулась в номер, волоча за собой пылесос.

– Ой... Я не побеспокою? Доброе утро! – смущенно произнесла она. – Хотите, потом загляну...

– Доброе утро! Ничего, вы мне не мешаете, – благодушно отозвался Лев. – Давайте так – я на балкон перейду, а вы дальше номер спокойно убирайте.

– Конечно-конечно, – пролепетала горничная, не глядя Льву в глаза.

Чуть выше среднего роста, молодая, довольно-таки худая, с узким длинным лицом, пылающими щеками – она казалась очень неуклюжей и робкой и почему-то напомнила Льву жеребенка, наверное, дерганой грацией своих движений. На ней свободно висел форменный темно-синий комбинезон, поверх – фартук вишневого цвета, а на голове – косынка, завязанная концами назад.

Словом, это была обычная горничная. Обслуживающий персонал, на который не принято обращать внимания... И Лев и не обратил бы, если бы не жгучий румянец на щеках молодой женщины. Вот чего она так смутилась? Хотя есть люди закрытые и стеснительные, интроверты по складу характера, для которых любой контакт с окружающими кажется мучительным, и даже дежурные слова вроде приветствия они из себя с трудом выдавливают... Ну да ладно, чего об этом думать, бессмысленное и пустое занятие, гадать, что творится в головах у других людей.

Лев расположился на балконе – сел на плетеный стул, ноутбук положил перед собой на стеклянный столик.

Но работать не смог. Солнце светило столь ярко, что экран безжалостно бликовал, глаза невольно щурились.

...Ранняя осень, начало сентября. Еще тепло, градусов пятнадцать сейчас, а днем, наверное, и все двадцать будет?

За оградой балкона, на уровне глаз, лениво покачивалась верхушка рябины. Пожалуй, если протянуть руку, то можно дотянуться до гроздьев ягод – тяжелых, желто-рыжих, уже начи-

нающих потихоньку краснеть. Как там народная примета гласит... Много ягод на рябине – к холодной зиме?

Впрочем, о зиме в этот теплый, светлый день, с этим прозрачным, хрустальным даже, почти неподвижным воздухом – меньше всего думалось. Невозможно представить, что месяца через два-три наступят морозы, листья облетят, и уже потемневшие, пунцово-алые гроздья, припорошенные снегом, будут покачиваться на фоне тусклого, серого неба.

Опять загудел пылесос.

Лев повернул голову – сквозь распахнутую балконную дверь хорошо просматривалось, как горничная прибирается в номере.

Надо заметить, девушка делала это сосредоточенно и умело. Пропылесосила палас, принялась оттирать стол. Все быстро, экономными, энергичными движениями. Уж чего-чего, а наводить порядок ей удавалось.

Горничная не выглядела красоткой. Так, свежесть молодости и стройность, больше она ничем не могла заинтересовать мужчину. Ну да, таилось нечто манкое в ее застенчивости, но это, пожалуй, на любителя. Лев себя любителем подобного типажа не считал. Тем более любителем интрижек с обслуживающим персоналом никогда не был. И не потому, что думал о себе как об особо значительной персоне, принце каком-то... Какой он, к черту, принц, не смешите. Мужчина средних лет, не бизнесмен, не олигарх – ведущий инженер на одном из известных московских заводов, сюда приехал на конференцию по электроэнергетике. Обычный командированный, по сути. Но опускаться до гостиничных интрижек... Тем более что в номер вчера уже позвонили по городскому телефону, спросили бесцеремонно: «Девушка не нужна?»

Провинция, что с нее взять. Простота хуже воровства. Хотя какого сервиса ждать от маленького городишки под названием Электрозаводск, что часах в пяти езды от Москвы.

В этом городишке еще с дореволюционных времен стоял завод по производству электрооборудования. В советский период активно выпускал продукцию, затем, в перестроечные времена, захирел, сбавил обороты, половину площадей сдал торговцам и всяким фирмочкам... И лишь лет десять назад вновь стал работать в полную силу.

А сейчас и вовсе – в городе собирались построить новый заводской корпус, расширить производственные мощности, увеличить выпуск электрооборудования. На открытие нового корпуса (которое назначили на осень следующего года) намечались грандиозные торжества, и даже, говорят, ожидали визита Президента. Как иначе-то... Страна возрождалась, вновь заработала промышленность, и Лев при полной неперспективности избранной профессии (в начале своего пути) – вдруг оказался человеком нужным и важным. Во всяком случае, уж на голову выше офисного планктона, однообразно-креативных «дизайнеров» и перепродающих китайские товары «менеджеров».

Вот, собственно, именно об этом и думал Лев, наблюдая за горничной, прибирающей в номере. Как ей не скучно?.. Нет, все работы хороши, главное – не трутнем на диване валяться, но каждый день стелить постели и пылесосить паласы...

«Хотя, с другой стороны, стелить постели и пылесосить – самое что ни на есть женское дело!» – тут же возразил сам себе Лев. Нормальная и уютная профессия. И пусть, пусть вопят феминистки, что нельзя делить профессии на мужские и женские, но – негласно – неравенство будет существовать всегда. Иначе неинтересно. Иначе нет драматизма, драйва, нет эмоций. Иначе скучно.

И никакой Лев не сноб, он не ставит мужчин выше женщин, или наоборот, он сам умеет убирать и пылесосить, жизнь заставила. Дело в другом. Он, наверное, не смог бы полюбить женщину с мужской профессией.

На курсе в вузе человек семь из группы были женского пола. Нормальные девчонки, до сих пор они друзья все. Но именно друзья, однокурсницы не стали для него чем-то большим.

Потому что ему всегда нравились женщины нежные, тонкие. Занимающиеся чем-то таким... неприятным. Простым и милым. Домашним хозяйством! Это так трогательно. А вот если девушка рисует трансформаторы в 3D-проекции и рассуждает о реакторах... как-то не то. Не романтик.

Так что получается, эта особа с пылесосом и тряпкой – вполне на своем месте. И работа у нее самая что ни на есть женская. Да и девушка, если присмотреться, вообще симпатичная, если бы не мешковатая форма и простецкая косынка на голове! За этой горничной приятно наблюдать. Да, да, а что такого, почему бы Льву не полюбоваться на хорошенькую женщину, он же не собирается к ней клеиться?

Лев уже откровенно глазел на горничную.

А она не замечала, что он на нее смотрит, поскольку солнечный свет лился в комнату из окон, как раз прямо ей в лицо – если бы она вздумала посмотреть на Льва. Она инстинктивно отворачивалась от окон.

Протерла открытые полки у шкафа. Запястьем (руки в резиновых перчатках) провела по лбу, вероятно, чтобы смахнуть капельку пота, и нечаянно сдвинула косынку назад.

У горничной, оказывается, под косынкой прятались рыжие волосы. Яркие, словно медь. Красновато-рыжие. Заплетенные в косу. Интересно, свои или крашенные? Нет, наверное, свои... Только рыжие могут быть такими белокожими, легко краснеющими.

Она не просто симпатичная, эта девушка. Она красавица, надо признать.

Горничная, стоя перед зеркалом, висевшим на стене, снова повязала косынку. И тут же принялась протирать стекло.

Лев смотрел уже не на нее, а на ее отражение в зеркале. Тонкое, узкое лицо, скрытое полутьмой – черты его только угадываются, зато видно, как солнце сияет в выбившихся из-под косынки волосах.

У Льва возникло странное ощущение, словно струну какую-то внутри у него потянули. Струну, проходящую через все его тело. Будоражит оно, это незримое прикосновение, всю его мужскую суть...

«А ведь я как будто ее знаю, – неожиданно подумал Лев. – Я ее видел когда-то. Ну да, точно. Я ее видел, поскольку ее лицо мне определенно знакомо. И то, что она рыжая, я тоже сразу понял, поскольку *знал* ее. Ну, не буквально знал, но точно видел ее когда-то!»

Только вот где он встречал эту горничную, когда, при каких обстоятельствах – Лев, хоть убей, вспомнить не мог.

Трель мобильного в кармане. Горничная, вероятно, тоже услышала этот звук, на миг повернулась, прищурилась на солнце. И стали заметны бледные веснушки на ее скулах.

Лев не без труда стянул с себя оцепенение и выхватил из кармана телефон. Звонила Наташа.

– Алло, Левушка, я тебя не отвлекаю? – прозвучал в трубке хриловатый, звонкий голос его невесты.

– Привет, киса... – машинально отозвался Лев. Тут же сморщился – эх, зачем он при горничной так рассекретился... Теперь ей ясно станет, что он – не свободен. Хотя, что значит – зачем рассекретился?! Он же не собирался с этой рыжей шуры-муры крутить! Сглотнув, Лев добавил: – У меня как раз свободная минута. Как дела?

– Хорошо, – сказала Наташа. – Я забыла спросить – ты сегодня выступаешь?

– Да, но позже. Завтра еще один день здесь. А потом, в субботу утром, рано, выезжаю.

– Все-таки сегодня, я не ошиблась. Левушка, ты молодец. Я за тебя кулачки держать буду.

– Спасибо, киса... – улыбнулся Лев, хотя его и покорибли несколько эти «кулачки».

– Ну все, до встречи.

– До встречи... киса.

На этом разговор закончился. Их телефонные переговоры с Наташей всегда отличались краткостью.

Итак, горничная слышала этот разговор. Слышала, как он кого-то называет «кисой»... Жаль. А прикольно было бы пригласить девушку в кафе этим вечером, например. Или завтра! Интересно, она бы согласилась? Теперь уж вряд ли. Зачем нормальной женщине несвободный командированный?..

Мужчина захлопнул ноутбук, вернулся с балкона в комнату.

Горничная, сняв резиновые перчатки, уже катила пылесос к дверям.

– Всего доброго, – по-прежнему не глядя на Льва, смущенно, едва слышно пробормотала она.

– Всего доброго, – отозвался Лев. – Номер прямо блесит. Вас как зовут?

Горничная повернулась, рукой поправила, перевернула бейджик, висевший у нее на груди. «Вера», – было написано на нем.

– Спасибо, Вера, – сказал Лев. Но поблагодарил он горничную машинально, а сам при этом чувствовал разочарование. Дело в том, что когда она поправляла бейджик, на ее левой руке, на безымянном пальце, блеснуло обручальное кольцо.

Дверь захлопнулась. Еще через пару минут загудел пылесос в соседнем номере.

Лев полез в кошелек, достал из него купюру. Потом убрал обратно. Сейчас он уже опоздал. Вера появится тут только следующим утром. Надо будет завтра оставить деньги в номере, на видном месте. Чаевые для горничной. Это нормально. Это не должно ее унижить. Наоборот, чаевые должны обозначать, что он доволен ею. Вернее, ее работой.

Но в кафе эту Веру теперь уже точно не пригласишь. Она замужем, это раз. И она сама, своими ушами слышала, что и он не свободен. Киса... Понятно, что так можно называть только любимую женщину. Наверное, горничная Вера думает, что и он женат. Это два.

Киса. Какая пошлость. Киса... И ведь не вытравишь теперь из сознания эту «кису», раз с самого начала так Наташу привык называть. Впрочем, что плохого в этом обращении? И он тоже хреню какой-то сейчас занимается, жалеет, что рыженькую горничную не удалось закадрить. О работе надо думать!

– ...электричество поступает в наш дом по проводам. Протяженные линии электропередачи, разнообразные виды кабелей, сеть подстанций – это целая система жизнеобеспечения каждого города, от слаженной работы которой зависит все. И движение поездов, и переключение светофоров, и любые виды связи, – так начал свой доклад Лев. Он знал, что на этой конференции собрались в основном специалисты, но небольшая часть публики относилась совсем к другим, смежным отраслям производства. А значит, нуждалась в некоторых разъяснениях. Вообще, хороший профессионал должен быть популяризатором своего дела. – Так вот, – продолжил Лев. – Обеспечить нормальную работу этой системы призваны трансформаторы – приборы, которые выпускает наш головной электрозавод в Москве, представителем которого я являюсь здесь. Но необходимо расширять производство, поскольку больше половины реакторно-трансформаторного оборудования в нашей стране устарело. Оборудование нуждается и в реконструкции, и в полной замене порой. Причем важно наладить выпуск самых разнообразных агрегатов – размер которых варьируется от небольшой коробки до двухэтажного дома. Уже введено около пятидесяти тысяч новых мощностей, но этого мало...

После Льва выступал еще один докладчик, Ковальчук Вадим Денисович – директор местного электрозавода, который являлся филиалом московского, и суть доклада сводилась к тому, что после открытия нового корпуса потребности страны в электрооборудовании значительно сократятся.

Словом, пока еще шла общая часть, формально-официальная, дальше должно стать интереснее. Так оно и случилось – после небольшого перерыва, докладчики ударились в конкретику, начался обмен опытом, прения и полемика...

Ужинал Лев в местном ресторане в компании Ковальчука и еще нескольких представителей заводов, располагавшихся в различных регионах России. Опять спорили, в основном о том, нужно ли нарабатывать свой, уникальный опыт или положиться на разработки иностранных партнеров...

Следующим утром Лев покинул свой номер с утра пораньше и перед тем не забыл положить на разобранную постель пятисотрублевую купюру. Пожалуй, многовато для того, чтобы отблагодарить горничную, но Лев не знал других способов сделать приятное рыжеволосой Вере.

Вернулся в обед, обнаружил номер чистым и прибранным. Но деньги Вера не взяла, переложила купюру на стол. Лев даже испытал разочарование и досаду. Почему не взяла? Слишком гордая? Мало дал? Ничего себе мало! Или... или она почувствовала, что постоялец ищет ее внимания? Такие женщины, как Вера – пугливые и скрытные, – обычно все тонкости человеческих отношений чувствуют...

Да, точно. Вера слышала, как он разговаривает с Наташей, и решила пресечь всякие попытки ухаживания с его стороны. Слишком большие чаевые – это попытка ухаживания. Или все дело в ее муже? Она любит мужа, она не позволяет себе интрижек с постояльцами...

А, нет. Все и проще, и сложнее. Вера не имеет права конкурировать с гостиничными «жрицами любви»... Разделение труда тут у них!

Лев поморщился брезгливо, глядя на купюру, валявшуюся на столе. Потом вдруг вспомнил, как Вера вчера перед зеркалом поправляла косынку. Узкое, строгое, иконописное лицо, солнце запуталось в волосах, словно нимбом окружило голову... Как она краснела, как она едва находила в себе силы говорить с ним... И он смеет думать плохо об этой застенчивой милой молодой женщине?!

«Стоп. Что я к этой Вере привязался? – с неожиданной злобой, но теперь уже на самого себя подумал Лев. – У меня Наташа, у Веры этой – муж, я завтра вообще отсюда уезжаю, в Москву... Я эту горничную больше никогда не увижу. Так почему же я привязался к ней, словно репей?»

Ощущение, что он каким-то образом знаком с Верой, не покидало Льва. Он опять поморщился, потер пальцами виски, пытаясь вспомнить, где и когда встречал Веру раньше. За балконным стеклом покачивались гроздьи рябины.

Цветом своим ягоды напоминали рыжие волосы Веры. И что? Каким образом это могло помочь Льву?

Так и не вспомнив, Лев отправился обратно, в конференц-зал. Вечером опять состоялся небольшой банкет, прощальный. Лев ушел с него пораньше. У него имелся в запасе только один вечер, и терять его мужчина никак не хотел.

Постоял в холле, возле стойки, делая вид, что читает о режиме работы гостиницы, внутреннем распорядке. Затем пешком поднялся по лестнице, сделал круг по этажу. Поднялся еще на один этаж, там все обошел. «Наверное, рабочий день у горничных давно закончился!» – заключил Лев. Но на всякий случай решил осмотреть лестницу, служившую пожарным выходом. Только вышел на площадку верхнего этажа, как услышал снизу голоса. Кажется, голос Веры, и еще какая-то женщина говорит с ней.

Лев, стиснув зубы, заглянул вниз. И точно – парой пролетов ниже стояла она, Вера, и разговаривала с другой горничной – толстой кудрявой теткой с сильно подведенными глазами.

Лев отступил на шаг назад, чтобы его не заметили. Подождать немного, пока та, другая горничная уйдет? А если Вера уйдет вместе с той?

Последний вечер. Последний шанс.

Лев выдохнул и, энергично, нарочито громко топая, принялся спускаться по лестнице. Вера подняла голову, увидела его, щеки мгновенно вспыхнули.

– Добрый вечер, девушки... – скучным, деловым голосом произнес Лев. – Вера? Можно вас на минутку? Я насчет полотенец.

– Полотенец? – с недоумением переспросила Вера. – А что не так? Кажется, я сегодня утром все полотенца поменяла...

Лев, не замедляя шага, спускался по лестнице. Он услышал, как горничная быстро попрощалась с той, с подведенными глазами: «Ладно, Валя, пока, до завтра!» – а затем – торопливые шаги следом.

– А что не так с полотенцами? – с тревогой, в спину Льва, спросила Вера.

– Сейчас покажу, – Лев, не теряя скорости, спустился еще на этаж, затем решительно направился к своему номеру. Теперь Вера уже почти бежала за ним по коридору.

Лев вставил карточку, служившую ключом, в специальную прорезь, зашел в свой номер. Сразу вспыхнул свет в прихожей, заиграло негромко радио.

Вера влетела следом, и Лев за ее спиной ловко закрыл дверь.

– Ой... так что с полотенцами? – глядя снизу вверх, испуганно спросила она.

– С полотенцами все в порядке, – Лев включил свет в самом номере, сел в кресло, чтобы не нависать над Верой. Кажется, девушка его побаивалась. – Я вас обманул. Мне надо поговорить с вами, Вера.

– О чем? – глухо спросила она, стиснув руки перед собой.

– Да вы садитесь.

– Нет, спасибо. О чем вы хотели поговорить?

– Я бы хотел пригласить вас в кафе. Я тут один, мне скучно. Ничего такого. Просто хочу посидеть в кафе не один.

Вера молчала, глядя на Льва мрачно и тревожно. Глаза у нее, кстати, были интересного цвета. Желто-карие, что ли... цвет ореха. Затем произнесла негромко:

– Если вам девушка на вечер нужна, то у нас этого добра полно. Обратитесь к Раисе Викторовне.

– Раиса Викторовна – это кто?

– Администратор, внизу сидит.

– Господи, Вера, вы меня не так поняли! Не нужна мне никакая девушка на вечер, я не для этого... Я хотел вас пригласить.

– Меня? Нет. Зачем? – с недоумением всплеснула она руками.

– Вы красивая, вы милая. Вы мне нравитесь. И, кажется, я вас уже видел, только вот не могу вспомнить, когда и где.

Кажется, эти слова – красивая, милая, нравитесь – еще больше напугали, встревожили Веру. В этот момент Лев злился на себя – что не умеет обращаться с женщинами, не знает нужных слов. Вот почему у других мужиков получалось, а у него нет? Как-то весело, без напряжения – не мог он поболтать с противоположным полом...

– Я вас в первый раз вижу, – дрожащим голосом произнесла Вера. – Нет. Никуда я с вами не пойду.

– Почему?

– Потому что я замужем, – негромко, но уже уверенно произнесла она. – И у вас, я слышала, тоже кто-то есть. Нет, нет, нет.

– А если бы вы были не замужем? И у меня никого... Тогда бы – согласились?

– Нет. Извините. Нет, – Вера уже пятилась к дверям.

– Я ничего плохого не имел в виду. Я не собирался к вам приставать, поверьте.

– Нет, – точно заклинание, упрямо твердила молодая женщина. Пятясь, уперлась спиной в дверь, быстро повернула ручку и выскочила вон.

Лев остался в номере один. Мужчина испытывал и сожаление – что Вера ускользнула, и досаду, – что он вел себя как дурак. Трюк этот нелепый с полотенцами придумал...

Солнце за балконным стеклом уже почти опустилось, лишь узкая оранжевая полоса висела над горизонтом.

Лев некоторое время сидел в кресле, затем заставил себя встать и выйти на балкон. Вдали виднелось здание электростанции – старинное, с заостренными гребнями башен, напоминающее готический собор. Внизу горели фонари, озаряя желтым светом кирпичные стены завода. А напротив, на фоне еще светлого неба, по-прежнему покачивалась гроздь рябины.

И тут Лев вспомнил, где он видел Веру.

Не в реальности, конечно.

Он видел ее фото в Интернете. Вернее, не ее фото, а те фото, которые делала она сама.

... Суть в том, что перед каждой поездкой Лев всегда собирал сведения о том месте, куда направлялся. Что за город его ждет, какие там достопримечательности, что интересного. Куда можно сходить, на что посмотреть.

Вот и в этот раз Лев перед поездкой на конференцию решил «промониторить» Электростанцию. И почти сразу же набрел в чьем-то блоге на фото города. Старинное здание электростанции, напоминающее готический собор, закаты и рассветы над площадями, улицы с прохожими, тени на асфальте, облака над домами. Хорошие фото, качественные. Собственно, именно благодаря им Лев, попав в Электростанцию, воспринял этот город знакомым.

Фотографом была одна особа, под ником «Рябиновая».

Изображений самой Рябиновой в том блоге почти не имелось. Лишь одно фото, издали. На аватарке. Наполовину, можно сказать. Рыжая девушка держит перед собой фотоаппарат, прикрывая им половину лица.

Вот именно о ней, о девушке-фотографе, ведущей репортажи об Электростанции, и вспомнил сейчас Лев.

А как вспомнил, так немедленно бросился к ноутбуку. Открыл его, по закладкам быстро нашел нужный блог. И вот уже перед ним фото той самой Рябиновой. Взглянул на аватарку, по возможности увеличил изображение. Но все равно не понять до конца – она или не она это, горничная Вера?

«Ладно, завтра ее спрошу, про фотографии в том блоге – она ли их сделала, – ложась спать, подумал мужчина. – И извинюсь. Блин, и как неудобно сегодня получилось... Я ведь прямо напролом действовал, какой девушке это понравится». У Льва возникла уверенность, что, если они заговорят о фотографиях и Вера подтвердит, что их автор – действительно она, то все будет хорошо. Вера перестанет бояться Льва, и они, наконец, смогут поговорить по-человечески перед его отъездом. Ведь тогда ей станет ясно, что он не маньяк какой-то, не сластолюбец командированный, а просто человек, ценящий красоту, искусство... Что не просто так он к ней «подкатил», а... из серии – «давайте поговорим о прекрасном!».

«Нет, это не Вера. Чтобы обычная горничная из провинциального городка делала такие роскошные фотографии? Странное хобби для... для уборщицы, по сути. Хотя, почему нет? Сейчас техника на высоком уровне, даже простым, совсем недорогим фотоаппаратом можно сделать красивые снимки. Завести блог – не проблема, у всех сейчас свои блоги, личные странички – в соцсетях или еще где. Сделать фото и выставить его в своем блоге – элементарно, это сейчас даже дети делают!»

Лев ворочался с боку на бок, мучаясь от того, что нельзя прямо сейчас выяснить, не тот ли Вера фотограф под ником Рябиновая... Ведь если Вера и есть Рябиновая, то, получается, она – удивительная девушка. Тонко чувствующая, романтическая.

А он тюлень и тюфяк, все испортил.

Или это не она? Просто похожая девушка, эта Вера... Ведь все рыжие девушки, с длинными волосами, к тому же белокожие, легко краснеющие, с веснушками на носу – почти одинаковы внешне? И пока он тут придумывает этой Вере целую историю, какая она необычная и тонкая, ловящая закаты и рассветы над Электростанцией, на самом деле Вера – ника-

кая не Рябиновая, а совершенно другой человек. Заурядная молодая женщина, горничная в гостинице, обычная замужняя клуша, чьи интересы вертятся лишь вокруг семьи. Да и фото у этой Веры тоже есть в каких-нибудь соцсетях, только вот на них она с мужем и подругами или на фоне бассейна, где-нибудь в Египте...

Может, стоит сейчас зайти к той Рябиновой в блог и написать ей письмо в «личку»? А что спросить? Что-что... Так и спросить, напрямую – не она ли горничная по имени Вера, которая работает в гостинице «Турист»? Пусть ответит. Стоп, а ответит ли? Очень ей надо рассекречиваться, ради чего? Если она такая пугливая и необщительная, если это действительно горничная Вера, то вряд ли напишет в ответ – да, да, это я, та самая Вера!

«Нет, лучше завтра я спрошу», – наконец, решил Лев, и, утомившись, заснул.

И во сне ему снилась Вера. Как будто он бежит за ней по коридорам и этажам, а она от него ускользает, прячась то за поворотом, то за очередной дверью. И даже во сне Льва раздирали на две половинки совершенно противоположные чувства. Нежность и злость. Восхищение и неприязнь. Раздражение и умиление. Восторг и недоумение...

Но на следующее утро случилось вот что.

Льву так и не удалось поговорить с рыжеволосой горничной.

Позвонили из администрации электрозавода, просили заехать и забрать кое-какие документы... Такси, ко всему прочему, прибыло раньше заявленного времени. Словом, Лев покинул гостиницу задолго до того, как десант горничных с пылесосами принялся обходить номера.

В поезде он опять думал о Вере и досадовал, что так и не удалось с ней поговорить.

Что это такое на него напало? Ведь Лев никогда не считал себя «ходоком». Потом, у него невеста, у нее муж... Так почему же она не выходит у него из головы?

Какое-то наваждение.

И самое-то главное – толку от этих мыслей и переживаний никакого. Все равно он никогда не встретится больше с Верой!

Рыжая девушка. Красные ягоды. Осень. Желтые листья. Оранжевые закаты. Слишком яркие краски смутили воображение, взбудоражили, на какое-то время свели с ума, наверное...

* * *

– Ты чего это? – удивленно спросила Валя. – Иди уже. Если Раиска заметит, что ты не работаешь, она тебя живьем съест. Верка!

Вера стояла за лифтом и осторожно выглядывала в коридор, держась одной рукой за тележку.

– Я смотрю, не идет ли тот тип, что в двести десятом номере, – шепотом пояснила молодая женщина.

– С ума сошла! Забыла, да? – всплеснула руками Валя. – Двести десятый номер освобожден этим утром, тебе его надо убрать до двенадцати.

– Да? Постоялец уехал? – Вера облегченно вздохнула – словно камень с сердца упал. Решительно вышла из-за лифта, таща за собой тележку.

– погоди, – Валя схватила подругу за руку, широко раскрыла свои и без того круглые, подведенные синими тенями глаза. – А что случилось? Он приставал к тебе, что ли?

– Не без этого, – неохотно призналась Вера.

– Вот гад... Вот гады они все! Твари.

– Нет, но не настолько... – справедливости ради возразила Вера. – Руки не распускал, но...

– А, это тот тип, что вчера тебя с полотенцами ловил, на лестнице? – шепотом закричала Валя.

– Да, он. Только он меня обманул. Оказывается, с полотенцами все в порядке, он хотел меня в кафе вечером пригласить.

– Ты пошла?!

– Валя! Нет, конечно. Я поэтому и не хотела с ним сейчас встречаться, он мне неприятен.

– Никитина, Колтунова! – вдруг раздался рядом голос администратора – Раисы Викторовны, той самой, которую Валя за глаза непочтительно называла «Раиской». – Опять ласы точим?

«Как она опять умудрилась подкрасться?» – с удивлением подумала Вера. Дело в том, что Раиса Викторовна – дама зрелых лет и солидной комплекции – всегда ходила на каблучках. Цок-цок-цок – порой слышалась издалека строгая поступь, и только потом появлялась сначала грудь начальницы, а затем остальные части начальственного тела, увенчанные массивным шиньоном из белых волос. Но иногда администратор умела подкрасться совершенно бесшумно и незаметно, вот как сейчас.

– Раиса Викторовна, это Вера... Она мне рассказывала, как к ней тип из двести десятого приставал! – выпалила Валя.

Вера вздохнула и опустила глаза. Она уже привыкла к тому, что Валя не умела хранить тайны, и уже почти не обижалась на подругу, но...

– Приставал? А чем ты его провоцировала, Никитина?

– Я его не провоцировала, Раиса Викторовна. И он ко мне не приставал. Просто в кафе пригласил, а я отказалась, – торопливо объяснила молодая женщина.

– Значит, он к тебе не приставал, вел себя культурно, а ты о нашем постояльце сплетни разносишь? – В голосе администратора послышались металлические нотки. – Стыдно.

– Может, ей правда показалось? – зачем-то опять встряла Валя.

– Может, и показалось, – не отводя от Веры пронзительных черных глаз, согласилась Раиса Викторовна. – Мы, женщины, такие... Иногда навоображаем себе. Даже если ни кожи, ни рожи... – она усмехнулась. – А на самом деле и не было ничего. Это нормально. Только вот одно плохо – когда мы своими фантазиями с окружающими начинаем делиться. Ладно, девочки, идите работать. И чтобы не болтали, понятно?

Валя потащила свою тележку в ближайший номер, Вера направилась к следующему. К тому самому злополучному двести десятому...

На Раису Викторовну Вера не злилась. В сущности, начальница была права, когда запрещала своим подчиненным разносить сплетни о постояльцах. Да и про «ни кожи, ни рожи» – тоже права, если подумать.

Вера никогда не считала себя красавицей. Даже больше того – жизнь, да и многие из окружающих убедили ее в том, что есть нечто неприятное, отталкивающее в ее рыжей «масти». Быть рыжей – пожалуй, это хуже, чем быть некрасивой. Причем рыжая Верина «масть» еще и неадекватов всяких притягивала. Извращенцев... вот как тот, из двести десятого.

Вообще те, кто живет в гостинице, проезжающие – часто позволяют себе много лишнего. Думают, что раз не у себя дома, то им все можно. Случалось, к Вере приставали. Бог знает, что некоторые люди думают, видя перед собой горничную...

Но этот, вчерашний, как-то по-особенному не приглянулся Вере.

Мужчина очень высокого роста, с фигурой атлета – отчего даже деловой костюм на нем смотрелся как-то странно, чужеродно даже. Похож на альбиноса. Хотя, говорят, у альбиносов глаза красные?

Пшенично-золотистые волосы, словно выгоревшие на солнце, светлые широкие брови, светлые ресницы – длинные, ко всему прочему, и густые. Такие ресницы еще называют «телячьими».

Крупные губы. Неулыбчивый. Черты лица тяжелые... Не молодой и не старый. Лет тридцати пяти, скорее всего.

Пока Вера вчера убирала номер, этот приезжий, сидя на балконе, буквально буравил ее взглядом.

Для того чтобы убедиться в этом, не надо было оборачиваться – она видела отражение постояльца то в зеркале, то в стеклянных дверцах, то на полированных поверхностях...

Он, не шевелясь, пристально разглядывал Веру, буквально придавливал ее своим тяжелым, мрачным взглядом.

Вера его сразу испугалась, еще раньше, когда вошла с пылесосом в номер, а там он – огромный, белобрысый. Глаза холодные, светло-серые. Пожалуй, он не на альбиноса похож, а, скорее, на викинга – какими их показывают в кино, в исторических фильмах.

Пока убиралась, изнывала – скорее бы уж удрать отсюда... Но торопиться никак нельзя было. Обязанности горничной вынуждали – на уборку одного номера должно приходиться не менее сорока минут!

Если Раиса Викторовна узнает, что одна из ее подопечных выполнила свою работу недобросовестно, второпях – то уволит свою сотрудницу.

А пойди потом, найди хорошую работу в их городке! Нет, можно, конечно, надеяться на электрозавод... Но это как лотерея. Повезет или нет. Хотя, говорят, через год, когда откроют новый корпус, образуется много рабочих мест. Работа не женская, да, но если где-нибудь в секретариате...

Вера открыла своим ключом двести десятый номер, зашла внутрь.

Пахло едва-едва каким-то мужским одеколоном. Запах терпкий, древесный и недешевый, судя по всему, но у Веры он вызвал отвращение. Она, конечно, ко всему привыкла, убирая за людьми, ничего не могло ее удивить, но иногда, вот как сейчас, ее передергивало буквально – так некоторые люди вызывали отторжение, буквально на уровне флюидов.

Распахнутая, развороченная постель. Там спал он, этот странный человек...

Вера выдохнула, пересилила себя, а затем приступила к своим обязанностям. Для начала прибралась на балконе. Затем вернулась в комнату и собрала мусор – какие-то бумажки, обертки от печенья – со стола и сложила его в мусорный пакет. Протерла стол, вымыла стаканы, поставила их обратно на стол.

Сняла постельное белье, постелила на кровать свежее. Отправилась в санузел – для того, чтобы в комнате улеглась пыль, пока убирается в другом месте.

В санузле собрала с полочки пустые пузырьки из-под гостиничного шампуня, сложила их в мусорный мешок. Вымыла унитаз, коврик для душа. Оттерла кафельные стены санузла со специальным средством, заодно протерла все трубы и полотенцесушитель. Вымыла зеркало и полочку над раковиной, затем протерла все сверху чистой тряпкой.

Отдельно вымыла раковину. Затем – вымыла пол в ванной специальным дезинфицирующим средством.

Потом Вера возвратилась в комнату и протерла со всех поверхностей пыль, двигаясь строго в одном направлении, по часовой стрелке, чтобы ничего не упустить – стол, тумбочку, стулья, телевизор, батарею, застекленные репродукции, висевшие на стенах, плафоны, выключатели, спинки кроватей, дверь, подоконники...

Вымыла зеркало. Плинтусы. Пропылесосила палас.

Возвратилась в санузел, где уже все поверхности успели высохнуть, повесила чистые полотенца, сменила рулон туалетной бумаги, выложила новые коробочки с шампунем-гелем, положила новый брикетик мыла на край раковины.

В комнате проверила мини-бар, закрыла балконную дверь, поправила шторы.

Протерла пол в прихожей.

Уходя, оглянулась, еще раз, удовлетворенно, осмотрела комнату – все чисто, пахнет свежим воздухом с улицы и химическими отдушками.

И как-то даже легче на душе стало – словно Вера смыла все воспоминания о человеке, вздумавшем вчера ее преследовать.

И что ведь за тип, безо всякого стыда разговаривал при Вере со своей женой, или кем там еще ему эта «киса» приходилась...

Мало того, Вера же еще свое кольцо обручальное этому товарищу показала – гляди, мол, не собираюсь я с постояльцами шуры-муры крутить, я приличная замужняя женщина...

А этот командированный, викинг белобрысый, все равно не отставал, вчера хитростью в номер затащил на разговор...

Все мужчины, кроме мужа Кирилла, вызывали у Веры отвращение. Он являлся единственным мужчиной в ее жизни, единственной любовью. Девять лет брака. Поженились, когда Вере исполнилось двадцать, Кирилл был на десять лет старше.

Нежный, добрый, деликатный. Непьющий и даже некурящий. Заботливый. Ни разу не замеченный не только в изменах, но и даже во флирте с другими женщинами.

Кирилл последние несколько лет строил дом – для них с Верой. Дом, правда, находился еще лишь в середине строительства, фундамент да стены, но в будущем, рано или поздно, супруги все равно туда заселятся и там родят своих детей. А то сейчас, в крошечной «однушке» на первом этаже – не очень-то и развернешься.

Кирилл – невысокий (одного роста с Верой), худощавый. Даже комплекцией своей, довольно сублильной, он нравился Вере. Поэтому все прочие мужчины, которые внешне не были похожи на мужа (например, как этот огромный викинг из двести десятого), – ее пугали.

Чужие все они, чужие – эти мужчины вокруг. Другие и *не такие*. Неприятные...

Выйдя из номера, Вера остановилась в коридоре, у окна.

Внизу, во внутреннем двореке, был разбит небольшой садик. Зеленый газон, клумба, на которой всю еще, яростно цвели осенние бархатцы... Ничего особенного, но Вере вдруг захотелось сфотографировать эту картину. «Бабье лето в самом разгаре». Или нет – «Апофеоз бабьего лета». Так можно назвать это фото и поместить в своем блоге. Ну и что, что в блог почти никто не ходит комментировать фото, Вере это обстоятельство очень мало интересовало.

Она вела блог с фотографиями для себя, как личный дневник. О себе ничего не рассказывала, изображений людей – минимум, только прохожие и со спины обычно; в основном – лишь пейзажи да виды города. Вся ее, Верина, жизнь – это осень, зима, весна, лето. И снова осень...

Дневник души, что ли.

О том, как она счастлива, о своей любви к мужу, – Вера не собиралась рассказывать публично. А ну как сглазишь...

* * *

Валя Колтунова, высунув голову из номера, в котором убиралась, издали наблюдала за своей приятельницей и коллегой Верой.

Вот странная девка, словно не от мира сего. Рассеянная, вечно забывает обо всем, то и дело заглядывается на что-нибудь, замирает – до тех пор, пока не окликнешь...

Валя считала своей задачей приглядывать за Верой и опекать ее. Не особая у них разница в возрасте (Валя всего лишь на пять лет старше Веры), но такое ощущение, будто подруга застряла где-то в глубоком детстве. Овца овцой.

Вот и сейчас Вера стояла у окна, в коридоре, пялилась вниз, во внутренний дворик гостиницы.

– Вер! Верка!

– А? – Подруга оглянулась, взглянула на Валю своими смешными глазами, напоминающими желтые металлические монетки.

Валя погрозила ей пальцем – не тормози, мол.

Вера кивнула и потащила со своей тележкой к следующему номеру.

К обеду подруги закончили с уборкой номеров, занялись другой работой – сдали белье для стирки, навели порядок в других помещениях гостиницы...

Вечером вышли из гостиницы вдвоем.

– Упахалась как... Сейчас то же самое, но только дома, – с досадой произнесла Валя. – Тебе хорошо, Верк, у тебя нет детей, считай, ты вечером как в отпуске. А мне готовить, убирать, уроки проверять... Двое пацанов да еще погодков – знаешь, как сложно?

Валя жаловалась подруге на тяготы, но сама, в глубине души, считала, что ее жизнь – не самая легкая, но зато во много раз лучше Вериной – пустой и бессмысленной.

Мальчики, Славик и Стасик, восемь и девять лет, Валины сыновья, являлись настоящими хулиганами. Вечно дрались – между собой и с окружающими пацанами, чуть не каждую неделю учительница в школу родителей вызывала... Но тот шум и гам, который поднимали ее отпрыски, на самом деле звучал для Валиных ушей настоящей музыкой. Она бы сошла с ума, живя в мертвой тишине, как Вера.

Валя обожала своих сыновей. Ругала их вслух, а мысленно – молилась на мальчиков, таких живых, таких активных. Если когда-нибудь Верка родит детей, то они, наверное, вырастут жуткими занудами. Ни рыба ни мясо, как их мать. Тоже будут глядеть по сторонам своими желтыми глазищами и то и дело «тормозить».

А если девочка у Веры родится? Ой, нет, лучше мальчик... Если девочка в мать пойдет, то пиши пропало. Ведь Вера – очень страшенькая. Вроде все при ней, а посмотришь внимательно – страшенькая. Лицо у подруги – длинное, словно лошадиное, волосы, как пакля, эти рыжие, выющиеся... Вдобавок – неуклюжая, никакой женственности.

Валин муж, Коля, слесарь-наладчик на электrozаводе, сколько раз твердил, что страшнее Веры нет у них в городе женщины. Ну, разумеется, высказывался он не при Вере.

Кстати, о Коле.

Отличный мужик – веселый, балагур, душа компании. Косая сажень в плечах. Погуливал иногда, да. Несмотря на хорошую зарплату, пропивал, раздаривал деньги подружкам. Скандалила Валя с ним часто, волосенки соперницам не раз приходилось драть... Но насколько Николай, при всех своих недостатках, был интереснее Вериного Кирилла, унылого заморыша!

Хотя они, Вера с Кириллом, надо сказать, подходящая пара. Оба скучные, никакущие. Кирилл строил для Верки дом. Уж какой год строил, а воз и все ныне там. Бизнесмен, называется... Торгует старыми конфорками на рынке, вот и весь бизнес. Нет, поначалу-то, в 90-е, Кирилл хорошо зарабатывал, сейчас вот поприжали малый бизнес, доходу капли... Куда Кириллу до Коли, который на твердом окладе.

Валя не могла не сравнивать своего мужа и Вериного, свою жизнь и жизнь подруги. И, сравнив, понимала, какая ж она счастливая, а Верка – несчастная.

Но ни жалости, ни снисхождения Валя не чувствовала. Наоборот, ее тихо возмущал тот факт, что Вера почему-то даже не догадывается о своем несчастье. Не догадывается о том, что некрасива, что муж ее, Кирилл, – жалок, что пуста их жизнь без детей...

Вале постоянно хотелось намекнуть об этом подруге. Хотя как это сделаешь? Не кричать же напрямую, в лицо – эй, подруга, да ты полное ничтожество! Вроде как некультурно. А намеков Вера решительно не понимает. Вот сегодня Раиса Викторовна намекала Вере о том, что у той ни рожи ни кожи – так нет, подруга только стояла да глазами хлопала.

Нет, Валя, безусловно, верила, что к подруге тот мужик приставал, белобрысый, из двести десятого. Но почему он приставал? А потому, что Верка – безответная, мямля, вот мужикам и кажется, что такую легче будет охмурить. Это Коля как-то Вале объяснял про подобный

феномен. Отчего мужики к некрасивым клеятся. А оттого, что некрасивые девицы – любому ухажеру рады...

– Валь, посмотри... Какие березы там! – подала голос Вера, шедшая рядом, взмахнула рукой в сторону. В темно-сером широком плаще, сером платке – похожая на мышь. Даже – на летучую мышь.

– Да, ничего так, – согласилась Валя, глядя на березы, растущие в сквере, мимо которого они проходили в данный момент. Светло-желтые листья трепетали на ветру – словно деревья дрожали от вечерней прохлады.

– Похожи на подружек, которые сбежались пошептаться, собрались в круг – если вот с этого ракурса смотреть. Жалко, фотоаппарата нет!

– Сбегай домой, возьми его да вернись.

– Ты не понимаешь... Освещение уже другим будет.

Валя вспомнила – Вера когда-то училась фотографии, только толку от этого обучения... Зря потраченное время.

– Да уж, где мне, неграмотной, понять, – саркастически усмехнулась Валя. – Послушай, Вер. Я вот давно хотела тебя спросить, только ты не обижайся. Отчего ты своим фотоаппаратом не зарабатываешь? Ты ж можешь по выходным свадьбы снимать! Знаешь, сколько фотографы за съемку на свадьбах получают?

Вера ничего не ответила, сразу замкнулась в себе, пожала плечами.

«Овца. Как есть овца, – с раздражением подумала Валя. – И ведь мать у нее нормальная. Как только Ольга Тихоновна такое чудо-юдо умудрилась воспитать? Хотя, говорят, от воспитания мало что зависит, дело в генах. Если уж что заложено в человеке, то изменить это никак нельзя...»

* * *

Ольга Тихоновна стояла на балконе в позе Наполеона перед сражением – скрестив руки на груди – и пристально смотрела в начало улицы.

По этой дороге обычно возвращалась ее дочь с работы. Пусть Вере и должно было скоро исполниться тридцать лет, и своя семья у дочери имелась, но Ольга Тихоновна не позволяла себе расслабиться.

Она, как мать, обязана хоть иногда, но контролировать жизнь своей взрослой дочери. И не потому, что относилась к тому типу теток, которые привыкли во все свой нос совать... Нет. Ольга Тихоновна и рада бы отпустить дочь, но сама Вера постоянно давала поводы для беспокойства.

Ранний вечер, еще светло.

Вот прошла толпа с электrozавода – как раз закончилась вечерняя смена.

Веры все не видать. Вчера, например, Ольга Тихоновна так и не дождалась Вериного появления. График у дочери какой-то ненормированный, редко когда той удавалось выйти из гостиницы в одно и то же время. Будь на месте дочери Ольга Тихоновна, то она непременно разобралась бы с начальством – что за дела, подобные задержки не укладываются в рамки трудового законодательства... Но Вера – безынициативная, к начальству ни за что не пойдет! Вот и ездят на ней, заставляя работать сверхурочно.

Можно было позвонить дочери на мобильный, но Ольга Тихоновна терпеть не могла сотовую связь, считала ее опасной для здоровья. Сотовый телефон, конечно, у нее имелся, но включала его женщина редко, в случае крайней нужды. Если вспомнить, то в последний раз – недели две назад, когда пришлось обзванивать родителей своих учеников. Бассейн тогда закрыли на внеплановую уборку.

Ольга Тихоновна – чемпионка России по плаванию, в свое время серебряную медаль завоевала. Потом, когда возраст стал наступать на пятки, ушла на тренерскую работу, много лет учила детей плаванию в спортшколе при местном Дворце спорта.

Работу свою женщина считала чрезвычайно важной и полезной – ведь она состоит в оздоровлении подрастающего поколения?

Большинство родителей детей, что ходили на занятия по плаванию к Ольге Тихоновне, уважали ее. У них даже небольшой клуб образовался – тех, кого действительно волновал здоровый образ жизни, во главе с Ольгой Тихоновной.

...В начале улицы показались еще две фигуры. Тарапунька и Штепсель, Вахмурка и Кржемелик... Да, это они, две подружки – Вера и Валя.

Высокая и худая Вера и пухлая коротышка Валька Колтунова с ней рядом.

Ольга Тихоновна поморщилась – Валю Колтунову она недолюбливала. Глупая молодая женщина, из тех, кто следит за мужем, вместо того чтобы следить за собой. И муж у Вали – кобель, известный в городе, как можно такого терпеть? Это же унижительно для женщины... К тому же имел нехорошую привычку – занимал у всех деньги и не отдавал. Уж лучше одной, чем абы с каким мужиком. Да и дети в семье Колтуновых, два мальчика, погодки, кажется – совершенно невоспитанные, своевольные. Как-то ходили к Ольге Тихоновне на занятия, потом бросили. А почему бросили? А потому что не приучены матерью, то есть Валькой, к систематическим занятиям спортом, к графику и режиму не приспособлены... тяжело им в жизни будет.

– Вера! – наклонившись, позвала Ольга Тихоновна.

Дочь подняла голову:

– Да, мама... Добрый вечер!

– Зайди.

– Здравсте, Ольга Тихоновна! – заискивающе крикнула мадам Колтунова.

– Здравствуй, Валя, – холодно отозвалась женщина и вернулась в комнату.

Дочь Вера появилась в квартире Ольги Тихоновны через минуту.

– Сегодня хоть вовремя...

– Мам, это работа с людьми, не всегда все по расписанию получается.

– Вот именно – ты не умеешь с людьми общаться, не умеешь их ставить на место.

– Мама! Если я начну спорить с Раисой Викторовной, она меня просто уволит.

– Ай, перестань. Ты же не в рабстве у нее, – с раздражением произнесла Ольга Тихоновна.

Как всегда, при виде дочери она испытывала и досаду, и жалость одновременно. Всю жизнь пыталась воспитать из Веры здорового (телом) и сильного (духом) человека, а не получилось. Ее, матери, ошибка, ее вина.

Но, кто знает, вдруг еще можно что-то исправить?..

– Мама, у тебя все в порядке? Как дела?

– Идем на кухню, я тебе чаю налью. Ты не торопишься?

– Нет, Кирилл сегодня к своим собирался зайти.

«Свои» Кирилл – это его мать, муж матери, сестра, муж сестры и их дети.

Как ни странно, но зятя Ольга Тихоновна очень любила. Мягкий, добрый, трудолюбивый мужчина, что редкость нынче. Абсолютно без вредных привычек. Но Вера, кажется, не понимала, как ей повезло с мужем... Могла бы и больше о нем заботиться.

– Я тебе в прошлом месяце кашу льняную с расторопшей давала. Она закончилась, наверное? – глядя дочери в глаза, строго спросила Ольга Тихоновна.

– Нет, еще осталась... немного осталось.

– Вера, не ври. Я вот этого терпеть не могу. К чему это вранье?! Ведь нехорошо, подло лгать! – поморщилась Ольга Тихоновна.

– Мама, мы не едим льняную кашу. Не получается как-то.

– Ляная не идет? Давай я тебе дам очень хорошую зерновую смесь, ашрай называется. Или у меня еще есть каша гречневая, мелкого помола, очень полезная. Пшеничная еще есть, цельнозерновая. В ней все компоненты цельного зерна пшеницы, включая сам зародыш пшеницы.

– Мам, нет, спасибо.

– Вера... У меня мамочки деткам эти каши варят, и детки их за милую душу едят... И сами мамочки тоже! Вера, я вот не понимаю – я с чужими людьми общий язык нахожу, почему же ты не можешь ко мне прислушаться?..

Дочь молчала, сидела на табурете, опустив голову, теребила подол своего безвкусного платья – клетчатого, старомодного, напоминающего школьную форму...

– А что вы с Кириллом по утрам едите?

– Бутерброды.

Ольга Тихоновна почувствовала, как внутри ее все сжимается, как начинает безнадежно щемить сердце...

– Вера. Вера, да это же самоубийство, – шепотом произнесла женщина. – На себя тебе наплевать, так о Кирилле подумай...

– Он не ест каши, мама.

– Как это не ест? С утра все нормальные люди должны есть кашу. Или тебе лень с утра готовить? А, понимаю, лень. Проще бутербродик сварганить!

– Мама, я думаю, ничего страшного в бутербродах нет.

– Ты думаешь... А по утрам ты бегаешь?

– Нет. Я не успеваю, мама.

Не успевает она! Врет. Просто лень на час раньше встать!

...После ухода дочери Ольга Тихоновна почувствовала себя разбитой и подавленной.

Было что-то страшное в том, как жила Вера. Страшное и неправильное.

Дочь ничего не умела – ни работать, ни отдыхать, ни правильно питаться, ни следить за собой, ни одеваться. Ничего не умела и ничего не хотела.

А ведь это так приятно – есть здоровую пищу, обливаться холодной водой. Бег по утрам – так это вообще наслаждение.

Ольга Тихоновна, сколько себя помнила, всегда бегала по утрам. Тут, неподалеку – небольшой парк.

Вставала в седьмом часу, пила некрепкий чай, делала легкую разминку, потому что сразу, после сна – бегать нельзя, кровь еще вязкая, густая.

После разминки женщина выходила из дома, но тоже не сразу срывалась в бег, а поначалу шла энергично, потягивая ноги, приседая, с наклонами вперед. Только потом бег.

При этом Ольга Тихоновна не забывала, что плечи должны быть расслаблены, шея и руки тоже. Опускалась на полную ступню (на носочках бежать – вредно!). Обязательно следила за дыханием – вдыхала через нос, выдыхала через рот. Во время бега проговаривала вслух скороговорки – для того, чтобы контролировать дыхание. Как только голос начинал срываться – все, надо заканчивать. Тогда Ольга Тихоновна разворачивалась и бежала назад, снижая скорость. К дому уже подходила шагом.

У подъезда опять делала небольшую разминку. Дома – душ обязательно и полезный завтрак. Обычно Ольга Тихоновна ела каши, которые покупала в одном хорошем магазинчике, открытом как раз для тех, кто придерживался правильного питания...

В теле после этих пробежек она чувствовала необычайную легкость. Это же такое наслаждение – заниматься спортом... Как только Вера этого не понимает?!

Благодаря здоровому образу жизни Ольга Тихоновна никогда не болела. И выглядела прекрасно. Пятьдесят два года, а никто больше сорока и не давал.

Она бы даже и замуж не прочь, да вот только приличных мужчин вокруг нет... Просто удивительно, что хоть Вере удалось найти себе нормального спутника жизни – Кирилла!

* * *

Кирилл после работы решил заглянуть к матери.

Ну, это только так называлось – «к матери», на самом деле там, куда он направлялся, жила еще и родная сестра Кирилла, Лиза, с мужем Борисом и их детьми, соответственно, племянниками Кирилла – Кристиной и Павликом. И еще проживал там Сергей Сергеевич, муж матери, который, в свою очередь, являлся отчимом Кириллу и Лизе (родной их отец умер давно).

Семья большая, шумная, сложная в некотором смысле, но, несмотря на это – все равно дружная.

Каждый раз, заходя в этот дом, Кирилл испытывал нечто вроде ностальгии. Когда-то они существовали здесь втроем – мама, Лизка и он, Кирилл. Жили вполне себе счастливо, даже несмотря на то что пришлось всем переплывать через нелегкие 90-е. Но ничего, переплыли, не утонули.

Года три Кирилл в Электрозаводске не жил – сначала один год «убил» на бесполезную учебу в вузе, потом еще два года потерял в армии.

Мама, уже в зрелом возрасте, сумела устроить свою личную жизнь – вышла замуж за Сергея Сергеевича (Батю – так его все называли). Непростая ситуация, у Бати имелась другая семья, уходил он оттуда долго и тяжело... Но ничего, образовалось все, сбежал Батя к маме, в конце концов окончательно и поселился здесь, в этом доме.

Потом Лиза вышла замуж за Бориса. Тоже неплохой мужик оказался (ну, пил немного, и что с того, все пьют), они с Кириллом сразу подружились. Борис работал на электрозаводе, получал пусть и небольшие, но вполне приличные деньги, и поначалу их с Лизой жизнь протекала вполне безбедно. Тем более что Лиза работала продавцом самого крупного в их городе универсама.

Родились их дети – Кристина и Павлик. Кирилл обожал своих племяншек – замечательные ребятки... Возился с ними, когда свободное время позволяло.

Именно в этот период Кирилл (исключительно своими средствами) достроил вторую половину родительского дома, чтобы всем жилось свободно.

Потом он встретил Веру и женился на ней. Дом матери, пусть и просторный, новый, с двумя отдельными входами, третью семью не вместил бы.

Поэтому молодые поселились в квартире, которая принадлежала покойной Вериной бабушке. Вроде хорошо – есть свой угол, хоть и небольшой. Да и Вера – родная, любимая жена. Но примаком стать мужику – как-то не то... Да и к тому же Кирилл никак не мог забыть те времена, когда он, Лиза и мама жили вместе. Столько тепла, света, счастья... Все трудности вместе преодолели. И это благодаря своему, родному дому, где сами стены лечат, спасают. Никакие соседи не мешают, сами себе хозяева.

Именно поэтому он решил построить *свой* дом – рядом с родовым гнездом. Купил участок, начал устанавливать фундамент...

И тут случилось несчастье.

Бориса уволили с электрозавода. За прогул. Хотя прогулял всего один день, но и этого хватило для увольнения (говорят, еще какие-то трения у Бориса были с начальником участка).

После увольнения Борис запил уже серьезно (но опять же, с кем не бывает, запои случались редко, да и не буйный он, руки не распускал, не бузил, все прилично). Только после именно этого запоя, связанного с увольнением, неожиданно случился у Бориса инсульт. Кое-как выкарабкался мужчина. Правда, стал после того инвалидом – часто болела голова, при-

ступы дурноты... Словом, работать Борис не смог бы, даже если бы и удалось куда-то устроиться.

А дети – Кристинка и Павлик – еще маленькие. За ними приглядывать надо, да еще за Борисом... Пришлось Лизе уволиться из универмага, с хорошей должности, и стать ночным сторожем. Денег меньше, конечно, но зато теперь можно больше внимания уделять семье.

Тогда Кирилл решил помогать своим родным финансово. Ведь он не мог допустить, чтобы его любимые племянники голодали и ходили в обносках.

Но именно в этот момент малый бизнес в стране «поприжали». Налоги повысились, дохода меньше стало.

Строительство собственного дома пришлось на время заморозить.

Жили теперь Кирилл и Вера на те деньги, что зарабатывала Вера, работая горничной в гостинице. А те деньги, что получал Кирилл, он частично вкладывал в свой бизнес, чтобы хоть как-то держаться на плаву, часть – отдавал своим родным.

...Для начала Кирилл заглянул на ту половину дома, где жила мать.

– Кирюшка! – навстречу ему бросилась мать – высокая, стройная, моложавая. Она и одевалась всегда по-молодежному – джинсы да рубашки... Шутила иногда – «сзади пионерка, спереди пенсионерка!» – когда к ней на улице подходили знакомиться.

– Мамуль, привет... – Кирилл расцеловался с матерью, сунул ей в руки конвертик с купюрами. Он всегда давал матери денег без всяких просьб с ее стороны, считая, что та не должна унижаться, выпрашивая подачки. Это же его родная мама... Они все вместе выживали когда-то – она, он, Лизка – в те нелегкие времена, когда родной отец ушел из жизни. И теперь Кирилл обязан позаботиться о матери.

– Кирилл... Здорово! – едва только мать отпустила его из объятий, навстречу шагнул отчим, Батя, пожал Кириллу руку.

Сергей Сергеевич, он же Батя – мировой мужик. Никогда не повышал голоса на мать, любил ее. Всегда хорошо относился к своим взрослым пасынкам – Кириллу и Лизе, ни разу не поскаandalил с ними.

Батя и своих детей не забывал – родных. У него имелось их трое, и внуки уже появились...

Кирилл бы охотно общался и с ними, со сводными братьями-сестрами, но те – от общения уклонялись. Тоже ведь взрослые люди, а до сих пор злились на новую семью отца. Да и с Батей (по его признанию) общались сквозь зубы до сих пор – не могли до конца простить, что тот их когда-то покинул и ушел к другой женщине.

Была бы воля Кирилла, он бы всех своих родных – и тех, кто по крови, и кто нет – поселил бы под одной крышей.

Хотя, наверное, Вера стала бы протестовать. Она особой общительностью не отличалась, к сожалению. Вот и сейчас – могла бы пойти в гости с Кириллом, но нет, отпустила его, а сама, наверное, дома уже сидит одна.

Или гуляет... Вера любила вечерами бродить по городу, фотографировать все подряд.

– Вера как? – словно услышав мысли Кирилла, спросил отчим. Бывший геолог – борода, пусть и седая уже, лучистый взгляд, глубокие морщины в уголках глаз – когда-то много приходилось ходить на солнце... Ныне Батя трудился на электрозаводе, одним из машинистов.

Да, да, ездил по гигантской территории электрозавода настоящий маневровый тепловоз – красивый, точно с картинки...

– Вера? Хорошо. Привет передает.

– А чего ж сама не зашла? Дикая она у тебя, Кирюха...

– Сереж, а что ты хочешь, ты видел ее мамашу. При такой властной женщине трудно вырасти нормальной, – вздохнула мать.

Поговорили еще немного о погоде, о ценах. Кирилл отправился на вторую половину дома – к сестре.

Племянники с визгом бросились обниматься, повисли на нем, точно на дереве. Сестра, Лиза, приняла свой конверт с деньгами, вздохнула, кивнув на Бориса, сидевшего перед телевизором, и пожаловалась брату на ухо:

– Сегодня опять пил...

Это была настоящая беда – то, что при своей болезни Борис продолжал прикладываться к бутылочке.

Как всегда, глядя на сестру и ее семейство, Кирилл чувствовал и сожаление, и нежность. Если бы он хоть как-то мог повлиять на Бориса, неплохого, в общем-то, мужика, продолжающего себя медленно убивать алкоголем...

– Борь...

– Да? – оторвавшись от телеэкрана, повернулся Борис – уже старообразный, полный, начинающий лысеть...

– Пойдешь ко мне работать? – весело и одновременно строго предложил Кирилл.

– Куда? Кем? – вяло отозвался Борис. Взгляд у него – мутный, блуждающий... В самом деле, принял на грудь недавно!

– Помощником, – бодро произнес Кирилл. – На подхвате у меня. То за продавца будешь, то на складе поможешь. Дел полно!

– Ну, я не знаю...

– Боря, и ты еще думаешь? – всплеснула руками Лиза. – Немедленно соглашайся! Только, Кирюша, ты его не сильно грузи, у него же голова, ты знаешь...

Борис мялся, отнекивался, Лиза и Кирилл подбадривали его. В конце концов уломали. Борис обещал, что в понедельник, с утра, отправится на склад к Кириллу и начнет входить в курс дела.

Лиза накрыла на стол, все сели ужинать. Допоздна обсуждали предложение Кирилла и здоровье Бориса...

Дома Кирилл оказался в двенадцатом часу.

Вера не спала, сидела перед компьютером. На мониторе стремительно мелькали картинки – деревья, улицы, заходящее солнце. Часть фотографий Вера удаляла сразу же, над другими «зависала» – рассматривала долго, вертела их и так и сяк, добавляла цвет, обрезала лишнее. Такое у нее было хобби – фотография.

Хотя почему хобби? Когда-то Вера училась в институте культуры, на кафедре фотомастерства. Так что являлась вполне себе профессиональным фотографом.

Но Вера и дня не проработала по своей специальности. В маленьком городке фотограф-художник никому не нужен. Несколько раз Вере удавалось подработать на свадьбах, но опять же заработок этот был нестабильный... Хорошо, что удалось устроиться горничной в гостиницу. Платили там прилично и к тому же – чаевые.

– У сестры как дела? – поднялась навстречу Вера. – Ты голодный?

– Нет, спасибо, Лизка ужином накормила... Борис, похоже, продолжает пить.

– Он с ума сошел. Ему же нельзя! – ахнула жена.

– И что. Попробуй, запрети ему. У него депрессия, мне кажется.

– И что же делать? Доктора искать? Психотерапевта?

– Да какой психотерапевт... – безнадежно махнул рукой Кирилл. – Я решил взять Бориса к себе.

– То есть?

– Пусть у меня поработает.

Вера молчала, напряженно глядя на мужа. Похоже, эта новость не привела ее в восторг.

– Почему нет? – пресекая ее вопросы, раздраженно произнес Кирилл. – Дел полно... Мне нужен помощник. Пока я занимаюсь бухгалтерией, Боря посидит за прилавком.

– И ты ему будешь платить?

– Ну естественно. Он же должен почувствовать себя человеком. Должен почувствовать себя нужным. И поверь, Верочка, это обойдется дешевле, чем обращаться к психотерапевту...

– Нет. Не дешевле, а дороже, – упавшим голосом сказала Вера. – Представляю, какой из Бориса работник...

– Ты из-за денег так переживаешь? Послушай, в деньгах мы совершенно не потеряем. Все то, что я давал Лизке, я теперь буду выдавать Борису в виде зарплаты.

– Какой из Бориса продавец?!

– Нормальный, – недовольно огрызнулся Кирилл.

– Да он всех покупателей разгонит!

– Вера, я проведу с ним разъяснительную работу. Обещаю. Я буду следить за ним, я буду учить его, давать советы.

– Тратить время на этого дурака... – простонала Вера.

– Он нормальный мужик, не надо.

– Он трутень. Он дурак. И это не оскорбление, это констатация факта.

– Я знал, что ты не любишь моих родных...

– Кирюша, миленький, это Боря твой – своих родных не любит! Он мог бы не пить, не прогуливать работу – ради своей семьи, ради Лизы и детей? Нет, не мог. Он может ради своего собственного здоровья завязать с алкоголем? Нет. Он и этого не в состоянии сделать. И ты меня уверяешь, что будешь следить за ним, советы ему давать...

Кирилл, слушая жену, кивнул несколько раз.

– Согласен. Да. Он раздолбай, – вынужденно согласился мужчина. – Но что делать? Бросить Бориса на произвол судьбы? Он же хороший мужик, он не заслуживает такого отношения.

– Почему ты, именно *ты* должен его спасать? – быстро спросила Вера.

– А кто еще?

– У этого Бориса есть же друзья, родные. А Сергей Сергеевич твой золотой – почему он его не спасает?

– Потому что у Бати нет таких возможностей. И у родных Бориса тоже возможностей нет.

– И у тебя их нет! – выпалила Вера. – Мы так и не достроили свой дом. Мы о себе должны думать.

– Ты эгоистка. Ты свою мать ненавидишь, ты не знаешь, что это такое – родственные чувства. Тебе меня не понять, Вера. Очень жаль... – с горечью произнес Кирилл.

Разговор этот он не стал продолжать. Умылся, лег спать, не дожидаясь жены.

Она пришла чуть позже. Долго ворочалась на своей половине кровати, едва слышно хлюпала носом, бормотала что-то, раздраженно взбивала подушку.

Конечно, Кирилл любил ее и понимал. И даже был согласен с тем, о чем Вера ему твердила не в первый уже раз. Но поступиться своими принципами не мог.

Они все-таки очень разные с Верой люди.

Она эгоистка до мозга костей. Индивидуалистка. Ей никто не нужен, люди ей в тягость.

Собственно, об этом предупреждала Кирилла его родная мать – давно, почти десять лет назад. И даже мать Веры, Ольга Тихоновна, тоже сказала прямо: «Ты, Кирилл, можешь найти себе жену лучше. С моей Верой нахлебаться еще горя».

Но он никого тогда не стал слушать.

И напрасно.

Они с Верой оказались очень разными людьми. Любили друг друга, но... Случались вот такие ситуации, когда словно коса находила на камень.

– Ты мое наказание... – пробормотал Кирилл. Застонал, обнял Веру, лежавшую к нему спиной, прижал к себе. – Ты мое наказание.

– Если я тебе наказание, зачем ты меня терпишь? – срывающимся голосом спросила она.

– А что делать? – с коротким смешком, в свою очередь, спросил он.

– Брось меня. Живи без меня счастливо. Живи в радость!

– Не говори ерунды. Куда я тебя брошу? Как ты без меня будешь?

Жена помолчала, потом ответила сдавленным голосом, тихо:

– Плохо. Мне без тебя будет очень плохо. Ты знаешь, я недавно окончательно убедилась в том, что другие мужчины мне отвратительны. Неприятны. Один ты...

– Тебе кажется. Есть еще нормальные мужики, – снисходительно усмехнулся Кирилл. Сдвинул волосы Веры в сторону, поцеловал ее сзади в шею. «В сущности, она еще девчонка совсем. Ей двадцать девять, мне в следующем году уже сорок. Она дитя... Ничего не знает в этой жизни. Глупышка... Может, она еще изменится?»

– Нет, мне не кажется, я совершенно в этом уверена. Все другие мужчины – *не такие*. Все в них не так, неправильно. Рост, телосложение, глаза, лицо. Запах... – задумчиво, с ноткой брезгливости протянула Вера. – Да, да, представь себе – даже запах мне чужой неприятен, хотя вполне себе чистый человек и хорошим парфюмом пользуется...

– Ты о ком-то конкретном?

– Ты же знаешь, иногда пытаются подъехать... Некоторые типы. Раз не дома, то можно все, думают. Но ничего серьезного, – поспешно добавила жена. – Просто мелочи жизни.

– Поди, москвичи в основном хвосты распускают?

– Да, именно москвичи. Считают себя белой костью. А мы для них так, убогая провинция... При чем что интересно – женатые, с обручальными кольцами, не скрываются даже, а все равно – лезут.

Кирилл молчал. Он никогда не ревновал жену. И сам по себе являлся человеком неревнивым, да и Вера никогда поводов не давала. С ее ли характером, диким и пугливым – на стороне романы крутить? Нет, конечно. Но тема работы жены – очень скользкая.

Действительно, в ее профессии много негативных нюансов. Много унижительного для Веры. Да для любой женщины работа горничной, работа обслуги – как-то не комильфо. Чужие постели перестилать, выгребать мусор, унитазы за постояльцами чистить... Ну это ладно, не самое страшное. А вот когда разные идиоты подкатывают с сомнительными комплиментами...

В сущности, Кирилл, как муж, как *хороший* муж, должен был оградить свою жену от подобной работы. От этих мелких постоянных унижений, которые она испытывает, трудясь горничной в местной гостинице. Взять те же чаевые – подачки, по сути!

Да, работа горничной весьма специфическая. Должен же кто-то обслуживать людей! Но рассматривать эту профессию можно лишь как временную. Как подработку, например. Учится человек, а на жизнь себе в сфере услуг зарабатывает. Или же можно рассматривать свою нынешнюю работу – как некий старт для будущей карьеры. Как возможность роста!

Была, например, горничной, стала дежурной по этажу. Затем администратором... И так далее. Тогда есть смысл трудиться в гостинице.

Но, насколько Кирилл знал, у Веры не имелось возможности карьерного роста. При той тетке, этой... а, да, при Раисе Викторовне – сие невозможно.

У них там, в «Туристе» – все еще те, советские (в плохом смысле) – правила и законы. Если бы Вера решила подняться по карьерной лестнице, то ей пришлось бы унижаться. Выполнять сомнительные поручения этой Раисы, известной махинаторши. Быть в доле, что называется.

У Раисы свои любимчики. И Вера – не из них. И вообще жена Кирилла не из тех, кто участвует в махинациях. Сама откажется. Да что там... уже отказалась. Раиса может поставить Веру, запросто, но приблизить и возвысить... Нет, никогда.

Кирилл слышал от Веры, что Раиса каким-то образом проворачивала аферы с номерным фондом. Продавала номера мимо кассы, что называется, а полученное клала себе в карман. Или, например, не давала гостю положенную скидку, тот расплачивался по полной стоимости. Еще какие-то махинации с чеками существовали, когда одному гостю дают основной чек, другому гостю – повторный. Кто из гостей станет разбираться – тот им чек дали или не тот... Люди платили, даже не догадываясь, что за их спиной жулики проворачивают свои делишки, а Раиса потом клала деньги за второй номер к себе в карман. Не все, конечно, клала, частично делилась со службой безопасности, с другими горничными, которые участвовали в этом стоворе...

А владелец гостиницы, Полуэктов, никак не мог порядок навести в своем хозяйстве, по заграницам разъезжал.

Словом, Кирилл, будучи в курсе всех этих темных делишек, творившихся в «Туристе», зная о том, что приезжие «добры молодцы» приставали часто к Вере с совсем недобрыми предложениями, – тем не менее промолчал сейчас.

А что он мог ей сказать? Уходи из гостиницы?

И как дальше? Ведь они жили на зарплату Веры. На те самые чаевые. Уйди жена из гостиницы – придется завязать потуже пояса. Мать и сестра тогда без помощи Кирилла совсем пропадут...

– Ты у меня красotka. Вот и пристаю к тебе всякие, не дают прохода, – прошептал Кирилл. – Мне так повезло с тобой... Я самый счастливый человек на свете.

Он повернул Веру к себе, поцеловал.

У нее были пухлые, упругие губы – без всякого там силикона, который женщины закачивают себе под кожу. Днем, на солнце, Верины губы рдели пунцово. Сейчас же, в темноте, можно было наслаждаться ими, прижимаясь к ним с поцелуем.

Да она вся, жена его, Вера, на ощупь – упругая и мягкая. И гладкая. Кожа ее – как теплый шелк... Они были разными по характеру, Кирилл и Вера, но в *этом* плане, в интимном – подходили друг другу идеально. Что важнее – родство душ или родство тел?

Кто говорит, что страсть уходит с годами брака? Вранье. Кирилла тянуло к Вере точно с такой же силой, как и десять лет назад. Возможно, их супружеская страсть именно потому и не утихла, что они оба являлись столь разными людьми. Были бы похожи, не конфликтовали бы по мелочам – превратились бы давно в друзей-товарищей. Спокойно и мирно сосуществовали рядом, решая общие задачи – плечом к плечу. А так – вечный огонь, вечная драма. Нет, когда совсем уж люди разные и скандалят на пустом месте – тоже нехорошо. Подобные отношения (словно на вулкане люди живут!) быстро развалят брак.

Их же с Верой отношения до сих пор полны страсти.

Главное – не забыть только. Не нырнуть в эту страсть с головой. Ведь если Вера возьмет верх, если начнет командовать – построй дом, не связывайся с Борисом, не ходи так часто к матери, – эта гармония разрушится.

И главное, в припадке чувств не надо заводить ребенка, поддавшись уговорам Веры. Еще рано – для ребенка. Еще ничего не сделано.

Ребенок будет помехой. Все силы и средства уйдут на малыша, а как же тогда мать, как сестра Лиза? Они же останутся без поддержки...

Кирилл держал Веру в объятиях и одновременно – и наслаждался соитием, и держал его под контролем. В этом заключалась своя перчинка, кстати. Позволяющая надолго растянуть удовольствие... Максимально. Но не до бесконечности же, конечно.

– Нет. Погоди. Нет... – едва слышно, с отчаянием, прошептала Вера, цепляясь за него, и все-таки – Кирилл оттолкнул ее, отстранился подальше, оставшись один на один с пульсирующей темнотой.

* * *

В субботу, во второй половине дня, раздался телефонный звонок. Звонил Лев.

– Киса, это я... – радостно отрапортовал он.

– Приехал? Ты уже в Москве? – спросила Наташа, невольно улыбаясь. Как это мило – приехал и сразу позвонил. Значит, помнит о ней, о том, что она его ждет...

– Да, я на вокзале. Хочешь, прямо к тебе сейчас приеду?

Наташа немного сникла и подумала – ну вот. Большое удовольствие – принимать мужчину только что с вокзала, после командировки...

Это значит, что Лев засядет в ее ванной на час, потом, мокрый и распаренный, полезет с нежностями... И это тоже надолго. Потом вечер, темно за окном, и все – суббота уже прошла. Готовить ужин, кино какое-нибудь посмотреть, – и пора спать.

Выходных дней так мало, они безнадежно коротки, каждый – на вес золота.

– Давай так. Ты сейчас едешь к себе, а потом в шесть заезжаешь за мной. В семь какое-то представление в саду «Эрмитаж», может, прорвемся. Погуляем, посидим где-нибудь и... – Наташа на мгновение задумалась. Что лучше сказать – поедem ко мне или поедem к тебе? В принципе, ночевать по чужим домам Наташа не особо любила. Пусть Лев и без пяти минут муж, и ночевала она сколько раз в его квартире, но... Но у себя дома лучше.

Однако предложить Льву отправиться после концерта к ней тоже не лучшее решение. Дело в том, что и у себя Наташа с трудом терпела присутствие посторонних. Нет, нет, Лев никакой не посторонний, конечно, но после него все приходится перемывать и переделывать.

Хотя, с другой стороны, рано или поздно они поселятся вместе, и вот тогда никуда не деться.

А для этого надо заранее воспитывать Льва. Буквально приучать его к порядку.

Да, Лев – взрослый мужчина, не идиот, не лентяй, но живет по какому-то своему распорядку, по своим принципам. Неудобным и для него самого, и для нее, Наташи.

Вот даже сейчас – Лев совершенно не задумался о том, как провести эту половину субботы! И собирался бездумно потратить время, даже не предполагая, что его тоже можно планировать. Что можно сделать свою жизнь удобной и приятной, если подойти к распорядку с умом.

И мылся Лев долго, и готовил долго, умудряясь перепачкать кучу посуды (если вдруг ему приходило в голову самому устроить своей невесте романтический ужин)...

Конечно, Лев был во сто раз лучше других мужчин.

Он не забывал вовремя позвонить, никогда не пропадал надолго и без предупреждения. Был готов помогать по хозяйству и прочее и прочее... Не гулял, не напивался мерзко, не говорил обидных глупостей – как делают многие мужчины, даже не задумываясь о том, что иными высказываниями можно ранить женщину...

Словом, Лев являлся замечательным мужчиной, лучше многих. Но его еще надо было учить.

А что такого?

Женщина всегда учит своего мужчину. Вернее, приучает его к совместной жизни.

Обидно звучит, унижительно для сильного пола? А Наташа этих своих взглядов на жизнь никогда и не озвучивала. Она деликатно подводила Льва к нужным решениям...

Ведь если не приспособить заранее мужчину к совместному существованию, то потом придется все время мучиться. Ругаться, выяснять отношения. И семейная жизнь превратится в ад.

Поэтому любой женщине, которая решила жить с мужчиной «вдолгую», надо с самого начала вести правильную политику.

– ...и – что? – спросил Лев. – Прости, я не расслышал.

– И поедem к тебе. А завтра вечером ты меня отвезешь домой, ко мне. Как тебе такой план?

– Прекрасно. К шести подъехать?

– Да, я к шести как раз успею собраться!

Наташа нажала на кнопку отбоя. Пару мгновений сидела, задумавшись, затем вскочила, накинула на плечи куртку, сунула ноги в туфли и покинула свою квартиру.

В соседнем доме жили родители. Сейчас они отсутствовали – уехали в Италию, на отдых, и Наташа приглядывала за их жильем – поливала цветы, кормила кошку.

Наташа любила квартиру родителей – когда-то они существовали тут втроем, счастливо и спокойно. До тех самых пор, пока Наташе не исполнилось тридцать. Тогда с ее любимыми папой и мамой случилось нечто странное. Они вдруг, резко, с места в разбег – принялись беспокоиться о судьбе своей дочери.

Как так – тридцать лет, а ни мужа, ни детей у их красавицы и умницы! Интересные... Сначала требовали, чтобы Наташа училась, делала карьеру, а вот теперь – внуков им подавай.

Наташа же ни замуж, ни детей заводить пока не торопилась. Это какие-то стереотипы прошлого – считать тридцатилетие пограничной чертой. До нее – еще девушка, после – вроде как старая дева, получается. Смешно! Сейчас все женщины под сорок рожают, а то и позже. Делая это сознательно, никуда не торопясь... Встав на ноги, с удовольствием, в полную меру ощущая свою ответственность.

Наташа, несмотря на свои годы, которые родители считали по старой памяти «критическими», ощущала себя все еще девушкой. Девочкой даже. И внешне, и внутренне. Приятно и легко сидеть под родительским крылышком, быть любимой доченькой. В будни, днем, она работала в банке, вечерами ходила куда-нибудь с подругами (такими же незамужними, веселыми и свободными, как и она сама) – в кафе, кино, на концерты... Выходные часто проводила с родителями на даче.

Но нет, папа с мамой вдруг точно с цепи сорвались.

Купили Наташе квартиру неподалеку и буквально выпихнули родную дочь из дома. Наверное, думали, что у отселенной дочери личная жизнь забьет ключом.

Как бы не так.

Наташа теперь большую часть свободного времени тратила на то, чтобы организовать свой быт. Ведь теперь домашнее хозяйство, пусть и несложное, было на ней (а раньше, в родительском доме, этими хлопотами занималась мама).

Снизить хозяйственную планку Наташа никак не могла. Постельное белье должно быть глаженным, а овсяная каша – настоящей, хорошо проваренной, а не залитой кипятком бурдой. Все платья – перестираны, если хоть раз были надеты... Еще надо самой ездить в магазины, тратить на это время – либо по вечерам, когда пробки, либо в выходные.

Да! И своей машиной Наташе приходилось теперь заниматься самой. Конечно, папа был готов прийти на помощь в любой момент, но они с мамой, видимо, сговорились – отстраниться от дочери подальше. Сама, все сама.

И что получилось? Дочь действительно превратилась в самостоятельную женщину.

И даже жених у Наташи тоже появился. Вернее, он имелся и до тридцатилетия – в виде постоянного поклонника. Приличный и солидный молодой человек по имени Лев.

Сначала они ходили вместе по кафе и выставкам в то время, когда Наташины подружки оказывались вдруг заняты. Потом фифти-фифти получилось. Наташа одни выходные с подружками проводила, другие – со Львом. Тратить на него *все* свободное время – тяжело, конечно. Он милый, хороший, порядочный, но... это же мужчина. Еще один повод для хлопот и бес-

покойства, хотя Наташа, как могла, старалась минимизировать свои хлопоты и распределять время разумно...

Когда Наташе исполнилось тридцать два, Лев сделал ей предложение, и они, к радости Наташиных родителей, официально стали женихом и невестой. Нечто вроде помолвки... Но о дате свадьбы не договаривались, Наташа сумела как-то замять этот вопрос. Дата, к тайному удовольствию молодой женщины, осталась открытой.

Тем не менее случилось чудо – родители сразу успокоились. У их дочери есть жених, приличный молодой человек. В принципе, со свадьбой можно не торопиться, дочь права – рано на себя еще семейное ярмо надевать. Родители стали звонить дочери чаще; при встречах шутили, больше не капали на мозги; расслабились, принялись ездить в туристические путешествия... вторая молодость у них как будто началась.

И Наташа была довольна. Сейчас ей тридцать пять. Еще несколько лет можно побыть невестой, наслаждаясь свободой, ну, потом, наверно, все-таки придется всерьез заняться собственной жизнью. Стать, наконец, замужней дамой.

...Наташа полила в квартире родителей цветы, почистила за кошкой лоток, положила в миску корм.

Затем вернулась домой и начала готовиться к «выходу».

В шесть за ней заехал Лев. Они посетили сад «Эрмитаж», посмотрели там какое-то представление, затем посидели в японском ресторане. В двенадцать были у Льва, в час легли спать.

Между двенадцатью и часом – то самое, обременительное и не очень-то приятное действие, которое называлось – «заниматься любовью». Почему обременительное? Потому, что Лев уделял этому процессу слишком много времени. А это утомляло Наташу...

Она этот лишний час поспала бы лучше.

* * *

Лев хотел сразу, с вокзала, отправиться к Наташе. Ему казалось, что если он обнимет ее, прижмет к себе, сольется с ней в единое целое – немедленно исчезнет то мучительное и странное ощущение, преследовавшее его в последние дни.

Он ждал встречи с Наташей, как спасения. Всю дорогу, пока ехал в поезде, старательно думал о невесте – о том, какая она замечательная и чудесная. Идеальная. Ей и в подметки не годилась та рыжая горничная из Электрозаводска...

Лев с педантичностью технаря даже мысленно составил список Наташиных достоинств, куда входили и внешность его избранницы (всегда эффектная и ухоженная, от волос до кончиков мизинцев на ногах), и ее коммуникативные способности (уж нелюдимой букой его Наташа никогда не смотрелась), и ее положение в обществе (занимает должность руководителя операционного офиса в одном из известных банков)... Плюсом являлось даже то, что Наташа – коренная москвичка с собственной жилплощадью.

Этот пункт, конечно, смотрелся смешно на первый взгляд. Но отсутствие у Наташи жилищных проблем означало то, что и у него, Льва, становилось меньше проблем. Меньше сомнений в том, что он нужен женщине лишь как спонсор. Наташа любила Льва просто так, а за что бы его любила та провинциалка? Наверняка лишь за те возможности, которые он мог предоставить.

Нет, он не принц, он яхт и дворцов этой Золушке из Электрозаводска не предложит... Но мог предоставить вполне комфортное и безбедное существование в столице России. Возможность не мыть гостиничные унитазы, а заниматься чем-нибудь пристойным и красивым... или же вообще ничем, кроме домашнего хозяйства, не заниматься.

«Стоп, стоп. О чем это я? Как я могу сравнивать Наташу и эту Веру? Я же не собираюсь предлагать Вере руку и сердце и вообще связываться с ней надолго... Она мне просто понра-

вилась, на один вечер. Женщина на один вечер. А от женщины на один вечер ничего не требуется – ни образования, ни московской прописки, ни даже завлекательных нарядов и макияжа. Все равно ведь ей придется раздеться. И образованием ей не надо блистать, и манерами... Может молчать со спокойной совестью. Какие, к черту, интеллектуальные беседы с женщиной, которая на один вечер?»

Вот подобными размышлениями и развлекал себя Лев, сидя в поезде. Потом, правда, перед Москвой, самому стыдно стало.

Зачем он опять унижает Веру, пусть даже и мысленно? А ясно зачем – зелен виноград.

Она, жалкая провинциалка, горничная в гостинице – отшила его. И он, со всеми бонусами, Вере не нужен. У нее муж есть, которого она любит, скорее всего.

Но рыжая горничная упорно не шла у Льва из головы. То с ненавистью, то с нежностью он вспоминал, как она двигается, говорит... смотрит.

Именно поэтому Лев стремился как можно скорее встретиться с Наташей и реализовать то, что с Верой ему не удалось сделать.

...У Наташи же оказались свои планы. Сад «Эрмитаж», прогулка, кафе – вот он, чудесный московский уик-энд. Прекрасное и разумное времяпрепровождение. Сладкое – на потом. На потом, а не сразу – не подростки же, не дети, они со Львом, готовые жевать шоколад без перерыва, не думая, что живот может заболеть... Вот о чем говорил Наташин план.

Лев не стал спорить с невестой.

...В саду «Эрмитаж» – толпа, тесно. Половину происходящего на летней сцене не видно. Впрочем, это нормальное явление – как только какое интересное событие в столице, так непременно толпы народу.

Зато потом они сидели с Наташей в уютном ресторане.

Невеста Льва выглядела прекрасно – темно-коричневое облегающее платье с блестками, завитки немыслимо густых, коротких волос бело-черного цвета. Или как это у женщин называется, мелирование, что ли?... А формой прически напоминала шапку. Оригинально.

Хотя, конечно, и в натуральных рыжих волосах есть своя прелесть... «Опять?!» – одернул себя Лев.

– О чем ты все время думаешь? – улыбнулась Наташа, держа в пальцах деревянные палочки.

– О Золушке, – брякнул Лев, а потом похолодел. Что же он вот так палится-то, а?

– О Золушке? – удивилась Наташа. Лицо у нее было широким. Называется – квадратная форма лица. Причем, что интересно, сама по себе невеста Льва – худенькая, но широкая форма лица создавала иллюзию пухлости. А нет. Одни мослы... «Господи, ну о чем я опять, какие мослы?! Не, надо как-то выпутываться!»

– Да, о Золушке. Ты ведь помнишь сказку?

– Помню, – кивнула Наташа. – И что?

– Принц влюбился в нее, когда Золушка приехала на бал, вся такая расфуфыренная и в модельной обуви из хрусталя благодаря стараниям своей тетушки-феи, – на ходу сочинял Лев. – И у меня вопрос. А мог ли он влюбиться в Золушку, если бы увидел ее в домашнем платье, халате или в чем там она ходила, вся перепачканная сажей?

– Так она вроде ему и в таком облике понравилась, – пожала плечами Наташа. – Потом же он увидел ее в привычном наряде... И не испугался.

– Вот именно. Потом! Когда он *уже* был в нее влюблен. Поздно, не разлюбишь! А как же первое впечатление? Мог ли он влюбиться в Золушку, если бы сначала увидел ее в облике замарашки?

– Интересно, – опять улыбнулась Наташа. Кажется, эта тема и вправду ей показалась занимательной, она даже оживилась, заерзала на стуле, забыла про свои суши. – Я никогда

не рассматривала сказку про Золушку под этим углом. И ты знаешь, мне кажется, принц бы не смог в нее влюбиться.

– Почему? Мужчина же любит фигуру, черты лица... если все это красиво, то уже не имеет значения перепачканная одежда. Главное – что под одеждой! Я утверждаю – мог влюбиться.

– И много ты видел неряшливых красавиц?

Лев задумался. Потом сказал:

– Помнишь, в романе Маркеса «Сто лет одиночества» есть такой персонаж – Рамедиос ее зовут, кажется. Девушка, красивая настолько, что могла ходить побритой налысо, в мешке вместо платья – и все равно, даже в таком виде она привлекала мужское внимание...

– Да, помню. Правда, я давно читала этот роман. И мне эта Рамедиос показалась невероятной душой, – усмехнулась Наташа. – Насколько не любить себя, пренебрежительно относиться к своей внешности...

– Да, кстати, еще вопрос, можно ли полюбить дуру, если она красавица? – подхватил Лев.

– Ты настоящий философ. Нет, нет, Левушка, полюбить дуру, или неряху, или просто особу, которая равнодушна к своей внешности, – нельзя. Можно заметить под рубищем красивое тело, можно захотеть овладеть им, но полюбить... – Наташа улыбнулась, развела руками.

– А вдруг ты ошибаешься? Ты настолько хорошо знаешь мужчин?

– Нет. У меня не тот опыт, – нетерпеливо отмахнулась Наташа, кажется, она несколько не обижалась на своего жениха. Но зато выглядела оживленной и заинтересованной – поскольку, оказывается, обожала все эти беседы с уклоном в психологию и философию. Наверное, когда они с подругами собирались в компании, то бурно обсуждали подобные темы. Чужие романы, чужие судьбы, чужие характеры... Давно Лев не видел у своей невесты таких горящих глаз. – Я плохо знаю мужчин и их пристрастия... Но я знаю главное. Мужчины не знают себя. Они – не способны на логику.

– Здравствуй! Мужчины не способны логически мыслить?

– Абсолютно. Особенно в те моменты, когда страсть затмевает им разум. Да они романтики хуже баб... – запальчиво произнесла Наташа. – Увидели более-менее симпатичную женщину и тут же придумывают про нее невесть что – какая она необыкновенная и особенная... И все для того, чтобы переспать с ней. А потом, спустя время, розовые очки падают с носа, и мужик понимает, что перед ним – обычная дура и неряха. Так что то, о чем ты сейчас ведешь речь, к любви никакого отношения не имеет. Это голос пола, если выражаться возвышенно.

– А любовь тогда что? – спросил Лев.

– А любви нет, – вдруг сказала Наташа и посмотрела на Льва печальными, добрыми глазами.

– Ты не любишь меня?

– Ты меня не любишь. – В ее голосе зазвучали слезы. – А теперь признавайся, чем ты там в своей командировке занимался? Какую такую Золушку встретил?

– Перестань. Я тебя люблю, ты же знаешь, – Лев взял ее руку в свою. – А про Золушку потому заговорил... Со стороны за одним товарищем наблюдал. Ему, я так понял, одна горничная понравилась. Я говорил с ним, и он мне признался – что хотел бы эту горничную закадрить. Я его спрашиваю – зачем? А он ничего вразумительного не смог мне ответить. Проще же проститутку на вечер снять...

– Фу. Почему тебя эта история заинтересовала?

– Потому что я никогда не терял голову, – честно признался Лев. – Никогда никакая Золушка не заставляла меня сходить с ума.

«Раньше», – мысленно добавил Лев.

– А хотел бы? – напряженно глядя ему в глаза, спросила Наташа. – Ведь это так приятно, наверное...

– Солнечный удар. Затмение. Зато потом расхлебывай... И можно потерять то, что собирал и копил годами, – в один миг. Я спрашиваю – можно ли влюбиться в Золушку? Можно, но не нужно.

– Ты прав. За один миг наслаждения всю жизнь рушить – не стоит того.

– Давай поженимся, наконец? – вырвалось у него. – Ну сколько можно в женихах и невестах ходить? Чего еще надо проверить?

Наташа засмеялась – на этот раз совершенно счастливым, беззаботным смехом. Легкая, веселая, умная женщина. Тонко чувствующая нюансы человеческих отношений. Мудрая.

– Нет, правда, давай уже назначим день свадьбы, а? – настойчиво повторил Лев.

– Не сейчас же. Следующим летом, ладно?

– Отлично.

Он поцеловал ее в щеку. «Я ведь люблю ее, очень люблю. И нет никого лучше Наташи, и эта Вера ей даже в подметки не годится!»

– Я вот еще что думаю, – продолжила Наташа, теперь уже весело, с прежним азартом. – Если женщина выглядит Золушкой, ведет себя как Золушка, то есть как бедная замарашка, то это значит одно – она себя не любит. А если она не любит себя, то и других она любить не способна. И еще один момент. Мы с девчонками часто это обсуждали... Ну вот представь. Молодая женщина. Да, плохо одевается, не умеет следить за собой. «Синий чулок», одним словом. Пока она молода, то еще можно найти в ней какую-то прелесть. Фигура есть, пусть и спрятанная в уродливых тряпках, цвет кожи приятный, отсутствие морщин... Есть на что полюбоваться. Но! – Наташа подняла палец.

– Но? – улыбнулся Лев.

– Пройдет несколько лет, и фигура может поплыть. Как и овал лица. И цвет кожи изменится. Словом, если женщина не научилась следить за собой, то она превратится с годами из красавицы в чудовище. Она ведь только на выход наряжается, а в чем она дома ходит? Да и то, даже на выход она способна нарядиться лишь с помощью феи-крестной! А если она не читает книг, не следит за новостями, смотрит тупые ток-шоу – то с ней и общаться невыносимо станет. Принц – дурак, потому что влюбился с первого взгляда в эту глупую особу. Какая судьба ждет его в будущем? Растолстевшая неряшливая тетка рядом, которую волнуют цены на гречку...

– А фильм хорош... Помнишь, старый, еще черно-белый?

– Тот, где Янина Жеймо играет? Да, чудесный фильм. Только это уже не та старая сказка... Это другая история, которую придумал драматург Евгений Шварц. В ту Золушку, из фильма, нельзя не влюбиться, наверное, – снисходительно произнесла Наташа. – Хотя, если честно, меня сама эта идея, что «надо работать, и только тогда добьешься счастья», – угнетает. Получается, ты сама по себе – ничего не значишь. Заслужи-и, милая... – с неприязнью, насмешливо протянула молодая женщина. – Мне кажется, раньше, в Средние века, например, сказки нужны были для того, чтобы манипулировать людьми. Женщинами, в частности. Работай, лошадь!

Наташа болтала оживленно, разоблачая старые сказки, и, кажется, полностью забыла о том, что некоторое время назад на нее напал приступ ревности. Забыла о своем обещании сыграть свадьбу летом. Или придет время – вспомнит? Или, третий вариант – ему, Льву, надо будет напомнить о свадьбе перед летом, а, если не напомнит – то он окажется сволочью и негодеем...

Лев смотрел на невесту, слушал ее, поддакивал, задавал вопросы, отвечал что-то... а сам думал о том, что понять современную, образованную, эмансипированную женщину очень трудно.

С одной стороны, она вся такая «продвинутая», с другой – живет все по тем же древним, женским законам. То ревнует и чуть не плачет, то хладнокровно твердит, что любви нет.

Любит ли Наташу он сам, опять, в который раз спросил себя Лев.

Конечно, любит. И восхищается ею. И даже согласен со многим из того, о чем она говорила. В частности, с тем, что долгие отношения с женщиной-«Золушкой» – невозможны.

И Лев, уезжая из Электрозаводска, тоже себе твердил, что Вера – женщина на один вечер. Ведь то, что он чувствовал к Вере, даже «солнечным ударом» назвать нельзя. Просто влечение, и все. Ни-че-го больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.